

Георг Траклъ

ПСАЛОМ ОТРЕШЁННОГО

Избранные стихи
в переводах
Владислава Цылёва

18+

Георг Тракль

Псалом отрешённого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63724573

SelfPub; 2021

Аннотация

Георг Тракль (1887-1914) – австрийский поэт, визионер и наркоман, которого можно с уверенностью отнести к «проклятым» поэтам. Магия его стиха не поддаётся «расшифровке». Лирический мир находится по ту сторону безумия. Предлагаемая подборка переводов, содержащая 27 стихотворений и несколько фрагментов из стихопрозы поэта, конечно же, не «исчерпывает» всего Тракля и носит, в первую очередь, ознакомительный характер. Тем не менее, даже искушённый читатель, хорошо знакомый с творчеством Тракля, вынесет для себя немало нового из представленных переводов.

Содержание

ИНТОНАЦИЯ ГЕНИЯ	5
Вводные замечания от составителя и переводчика	12
В ОГНЕДЫШАЩИХ ЛИВНЯХ ПОЛУНОЧИ	14
Рождение	16
Детство	18
Часословная	20
В пути	22
К Люциферу	25
De profundis	26
Весна души	28
Псалом отрешённого	31
Песнь о закатной стране	33
Возрасты жизни	35
ГАРМОНИЯ СТРУН СУМАШЕСТВИЯ	36
Себастьян во сне (фрагмент)	38
Гелиан (фрагмент)	40
Отроку Элису	42
Элис (фрагмент)	44
Песнь о Каспаре Хаузере	46
НАПОЁННОЕ ДУХОМ СВИДАНИЕ	48
К сестре	50
К Иоанне	51

Сумерки напоённые духом	53
Лето	55
Вечерняя песнь	57
«Кротко ночь голубая отверзлась...»	59
«О, пристанище в сумерках...»	61
«Так чутко звенят...»	63
ПОМРАЧЕНЬЕ И СОН	65
Зимняя ночь	67
Помрачение и сон (фрагмент)	69
Откровение и закат (фрагмент)	72
Метаморфозы зла (фрагмент)	75
В ЛЕДЯНЫХ ВОЛНАХ ВЕЧНОСТИ	77
На Востоке	79
Плач	80
Гродек	81

Георг Тракль
Псалом отрешённого
ИНТОНАЦИЯ ГЕНИЯ

Несмотря на то, что лирическое наследие Георга Тракля уже более полувека как канонизировано, а сам поэт безоговорочно причислен к «лику» величайших поэтов 20-го столетия,¹ его настоящая биография – без красноречиво зияющих белых пятен! – без сомнения, ещё не написана, а поэтика его «потусторонних» прозрений и снов не разгадана. При всём обилии трудов и штудий, посвящённых Траклю, его феномен, и как личности и как поэта, по целому ряду «неудобных» вопросов до сих пор не поддаётся сколь ни будь одно-

¹ Судьбоносной вехой на пути признания литературного наследия Тракля стало академическое издание его произведений в двух томах «Georg Trakl: Dichtungen und Briefe» (Salzburg: Otto Muller), выпущенное под редакцией Вальтера Килли (Walther Killy) и Ганса Шкленара (Hans Szclenar) в 1969 году в Австрии.

значной «расшифровке»: например, нет единого мнения о том, был ли поэт психически здоров или всё таки страдал одной из форм шизофрении – особенно в последний период своей жизни²; состоял ли он в кровосмесительных отношениях со своей младшей сестрой Гретой, к которой он испытывал необычайно сильную привязанность и глубокие чувства, или предавался любовному роману с ней только в поэтических грёзах³; оборвал ли он свою жизнь преднамеренно – под давлением невыносимых психологических обстоятельств, или случайно принял смертельную дозу кокаина в краковском военном госпитале, куда он был помещён, чтобы пройти обследование в качестве «психиатрического» пациента⁴ после перенесённого им психологического шока под Гродеком⁵. И, наконец, если говорить о лирических откро-

² О чём свидетельствовало предварительное заключение армейских врачей военного госпиталя г. Кракова.

³ Переписка между Георгом и Гретой, которая могла бы «поставить точку» в этом вопросе, исчезла при загадочных обстоятельствах.

⁴ Близкий друг Тракля, его издатель и меценат Людвиг фон Фикер считал, что Тракль стал жертвой принудительного психиатрического лечения, которое неизбежно усугубило его психическое расстройство.

⁵ Гродек – местечко в Галиции, где во время Первой мировой войны в октябре 1914 г. произошло крупное сражение между русской и австрийской армиями. Тракль был мобилизован в качестве военного фармацевта и оказался на смертоносных полях этого сражения: в результате царящей неразберихи он был вынужден в одиночку – ввиду нехватки полевых хирургов – в течение двух суток заботиться о почти сотне тяжело раненых, которых носили страдать и умирать в обычный амбар. На одном из привалов во время отступления австрийских войск Тракль предпринял неудачную попытку застрелиться,

вениях Тракля, наивысшие взлёты его поэзии – это бред расшатанной психики алкоголика и наркомана или экстатические озарения духовидца и пророка?

«Terra incognita» парадоксального мироощущения Тракля оказалась неприступной крепостью для широкого круга исследователей его творчества – от клиницистов до философов – и благодатной почвой для разного рода теорий с их стороны. Из «хаоса ритмов и образов» Тракля построено немало «стройных» систем в надежде «объяснить» «гениальное» безумие поэта и пролить свет в темноту его опотизированных грёз. Но замкнутый в себе лирический мир Тракля с маниакальным упорством доказывает, что мудрость его «не от мира сего» и отказывается говорить с любой человеческой логикой на языке смыслов. Философ Мартин Хайдеггер хотя и допустил возможность «диалога между мышлением и поэзией», согласился с тем, что когда мы слушаем Тракля, надо «расстаться со всякой претензией на непосредственное понимание»⁶ его поэзии. Чувствуя своё интеллектуальное бессилие, некоторые исследователи пришли к экстраординарному выводу, что надо «заразиться» безумием, чтобы по настоящему понять «сумеречное» сознание поэта.

При всём многообразии суждений о поэзии Тракля, пожалуй, самый лаконичный и при этом убедительно прав-

⁶ Эта цитата из доклада Мартина Хайдеггера «Время и бытие» дана в переводе В.Бибихина.

дивый отзыв о стихах Тракля оставил его друг – философ Людвиг Витгенштейн, который откровенно признался: «Они вне моего разума, но их интонация переполняет меня счастьем. Это интонация воистину гения». После многократных и безуспешных попыток аналитически разобраться в фантазмагорическом калейдоскопе образов Тракля на основе логических форм языка, Витгенштейн сделал в своём дневнике потрясающую запись о метафорическом мышлении поэта: «В действительности, имеет место невыразимое. Оно манифестирует себя, это явление мистическое».

Именно эта загадочная манифестация духа поэта, которая так обостренно ощущается в сновидческих прорицаниях Тракля, – призрачным эхом доносящаяся из области потустороннего и одновременно отступающая в тишину невыразимого, – и производит на слушателей своё неизгладимое и даже более – мистическое! – воздействие.

Поэтика Тракля настолько темна, что при её «разборе» даже самому вдумчивому и пытливому читателю порою решительно не на что «опереться». В ней нет и не может быть ничего раз и навсегда установленного – «кармический» ветер перемен в галлюцинирующем потоке сознания поэта неумолим: привычные связи неизбежно разрушаются и возникают новые – самые неожиданные. И всякий раз, прикасаясь к таинству траклевских метаморфоз, читатель вынужден разрешать одну и ту же дилемму, невольно возникающую перед ним – что же представляется ему на самом деле: иг-

ра болезненного воображения, способного породить только распад и бесплодное взаимодействие случайных символов, которые лишь «притворяются» образами действительности, или долгожданное откровение, несущее в себе знаки грядущего, ещё не распознанного завета.

Касаясь проблем перевода герметичной траклевской поэтики, особенно позднего её периода, невозможно не отметить главную лирическую загадку, которую оставил нам Тракль – обворожительную уникальность звучания его поэтический речи, гипнотическую вибрацию его стиха, болезненную прелесть интонации, которые, конечно же, не сводятся только к «мерцающей» семантике его образов, или к замысловатому синтаксису письма или неожиданным метафорам и фигурам речи, а проистекают из глубинной и неведомой нам области души поэта.

Но передаётся ли поэтическая интонация на другой язык? Сохраняются ли при этом её «мелодические подъёмы и спады»⁷, чарующий звук, магическая вибрация речи? Другими

⁷ «Мелодические подъёмы и спады» – это то, что словам поэта Райнера Марии Рильке, поразило его в первую очередь, когда он познакомился со стихами

словами, «переводима» ли душа?

Остаётся только надеяться, что, несмотря на неизбежные утраты, присущие самой природе перевода, неповторимый лирический голос Тракля будет услышан сердцем читателя, ибо интонация голоса настоящего поэта, уходящая к истокам, затерянным в бесконечном, без сомнения, рождена до всякого слова и имеет силу превыше мышления.

Вводные замечания от составителя и переводчика

Настоящее электронное издание носит, в первую очередь, ознакомительный характер и поэтому содержит относительно небольшой свод переводов: 27 стихотворений, относящихся к «зрелому» периоду творчества Тракля, а так же несколько фрагментов из стихопрозы поэта. Заинтересованный читатель может дополнительно познакомиться с моими переводами, опубликованными в альманахе «У Никитских ворот» (№1, 2019 г.).⁸

Важно отметить, что все иллюстрации в представленной книге выполнены мной собственноручно, а деление книги на главы условно и предпринято для удобства восприятия стихотворных текстов.

Известно, с какой щепетильностью Тракль вычитывал гранки своих произведений, обращая особое внимание на

⁸ Выпускается издательством «У Никитских ворот» и МГО СП России.

сохранение всех нестандартных приёмов своей авторской пунктуации. Поэтому в своих переводах я старался следовать оригинальному тексту и не злоупотреблять «лишними» знаками препинания, сохраняя, по возможности, верность правилам русской грамматики.

В ОГНЕДЫШАЩИХ ЛИВНЯХ ПОЛУНОЧИ

Handwritten text, possibly a signature or name, written in a cursive style.

Handwritten symbol or character, possibly a stylized letter or mark.

Рождение

Geburt

Цепи гор: чернота, безмолвье и снег.
Красная из чащобы в долину устремляется травля;
О, мшистый взор лани.

Тишь материнская; в черном сумраке елей
Распростерты дремотные длани,
Когда на ущербе месяц холодный сияет.

О, человека рожденье. Трепещет в ночи
Родник голубой в расщелине скал;
Потрясенный падший ангел зрит свое отраженье,

Пробуждается очертание Бледное в затворе глухом.
Две луны
Два ока сверкают окаменевшей старухи.

О горе, схваточный вопль. Черным крылом
Ночь виски обвивает младенца,
Снег, что с пурпурного облака осыпается тихо.

Handwritten text, possibly a signature or initials, located in the top right corner of the page.

Детство

Kindheit

Ягодный рай бузины; безоблачно детство таилось
В лазурной пещере. Теперь над тропинкой заброшенной,
Где дикие травы ржавея вздыхают,
Ветви свисают в раздумьях притихшие; шепчутся листья,

Словно воды поют голубые в расщелине скал.
Нежны плачи дрозда. Приумолкший пастух
Солнце вдаль провожает, что по склону осеннему катится.

Голубое мгновение – в нём вся душа без остатка.

Проступает пугливая лань на опушке лесной
И покоятся с миром в долине
Колокольни старинные, деревушки угрюмые.

Всё смиренней теперь постигаешь промысел сумрачных
лет,

Прохладу и осень келий пустынных;

И в священной лазури отдаётся со звоном светоносная по-
ступь.

Тихо мается створка в окне приоткрытом; и слёз не сдержать

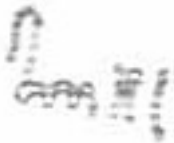
При виде погоста на всхолмье ветшающего,

Поминаешь былое, преданья изустные;

но, бывает, душа просветлеет нечаянно,

Вспоминая улыбку на лицах людей,

дни весенние в сумрачном золоте.

Часословная

Stundenlied

Темными взорами созерцают друг друга влюбленные,
Златокудрые, лучезарные. В стынущем мраке
Истосковавшиеся руки сплетаются в хрупких объятьях.

Пурпурно разорваны благословенных уста.

В очах округлённых

Темное злато весны отражается после полудня,
Опушка лесная и чернота, тревоги вечерние в зелени;
Быть может невыразимое птичье круженье, Нерожденно-

го

Путь мимо мрачных селений, вдоль одинокого лета за ле-

том

А порой из голубизны угасающей проступает
очертанье Отжившее.

Тихо шепчутся в поле колоски золотистые.

Жизнь сурова и взлетают размашисто

крестьянские косы стальные,

Плотник обтесывает бревна могучие.

Нарядилась пурпурно в осеннюю пору листва; монаше-

ский дух

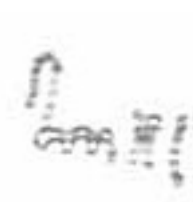
В дни веселья прогуливается; наливается гроздь вино-
градная

И праздничен воздух во дворах распахнувшихся.

Слаще дух пожелтевших плодов; тихо сиянье улыбки

Счастливого, музыка в погребке затенённом и танцы;

В сумерках сада шаги и затишье умершего Отрока.

В пути

Unterwegs

В час вечерний понесли в мертвецкую – Странника;
Дух смольный витал; шёпоты красных платанов;
Взмахи галок сумрачно-тёмные; заступала стража на площади;

Солнце гасло скрываясь под простынёй чёрной; неизбывно

Проживается в памяти этот вечер минувший.

В комнате рядом мелодия Шуберта льется
сестра исполняет сонату.

Бестревожно тонет улыбка её в обветшалом колодце,
Голубовато мерцающем в сумерках. О, как древен наш род.

Чей-то шепот в саду ещё не затих;
кто-то оставил небесную твердь эту чёрную.

На комодe яблоки пахнут – дух ароматный разносится.
Теплит бабушка свечку – горит золотая.

О, как осень печально нежна. С замираньем звенит наша поступь
в стареющем парке

Под сенью деревьев высоких. Гиацинтовый лик полумра-
ка

как он строго взирает на нас.

Стопы твои ласкает родник голубой, алый покой твоих уст
таинственно дышит,

Дремлет в них сумрак листвы,

темное злато увядших подсолнухов.

Веки твои хмелея от мака на челе моём грезят украдкой.

Нежный звон колокольный сердце до боли пронзает.

Облаком синим

Лик твой нисходит осеняя меня в полумраке.

Песня звучит под гитару в далёком-далёком трактире,

Там где кусты бузины одичалые, день ноября

из давнишнего прошлого,

Ступанье доверчивое по лестнице меркнушей,

вид побуревших от времени бревен,

Окно нараспашку, в котором лишь сладость надежды

осталась навеки -

Несказанно всё это, о Боже, отчего до глубин потрясенный

встаешь на колени.

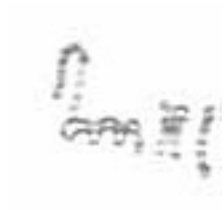
О, эта ночь, как она омрачённа. Пламя пурпурное

На моих угасает устах. Тишине отдаваясь смолкает

Гармония струн одиноких в душе растревоженной.

Так смелей опьяняй эту голову хмелем –

пусть катится в сточную яму.

К Люциферу

An Luzifer

(3-я редакция)

Духу придай своё пламя, отчаянье жгучее;
Воздыхая глава подымается к полночи,
На всхолмье весны зеленеющей; где кровью когда-то
Изошел кроткий Агнец, что скорбь претерпел
Глубочайшую; но следует Тёмный за призраком
Зла, или же влажные крылья он расправляет
К золотому нимбу солнечному и содрогается
От колокольного звона грудь его болью истерзанная,
Упование дикое; мрак низвержения пламенного.

De profundis

*De profundis*⁹ («*Es ist ein Stoppelfeld...*»)

Вот оно – сжатое поле, в которое плачами черными
излились дожди.

Вот оно – бурое деревце, что одиноко в сторонке стоит.

Вот оно – беснование ветра, что рыщет вокруг опустев-
ших лачуг.

Эта вечерня как она скорбна.

За околицей где-то

Сиротинушка кроткая остатки колосьев ещё собирает.

В полумраке блаженно пасутся глаза её золотисто-округ-
лые

И лоно её о Женихе о Небесном тоскует.

По дороге домой

Набрели пастухи на плоть её на сладчайшую

Что истлела в колючем терновнике.

Я – тень вдалеке от угрюмых селений.

Из источника в роще

⁹ De profundis (лат.) – «Из глубины...» (имеется в виду «скорби, отчаянья») – начало 130-го Псалма.

Испил я безгласие Господа.

Хладный металл на челе моём проступает

Ищут сердце моё пауки.

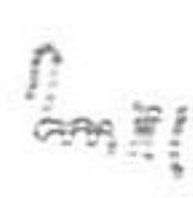
Вот он – свет, что в устах моих гаснет.

Ночью я очутился на пустоши

Среди нечистот весь и звёздного праха.

В кущах орешника

Хрустальные ангелы вновь зазвенели.

Весна души

Frühling der Seele

Вскрик во сне; вздохи ветра по черным проулкам,
Сквозь надломленность веток приветлива вешняя синь,
Вся в пурпуре ночная роса и повсюду меркнут созвездия.
Зеленеет рассветно река, в серебряной дымке аллеи
И соборные башни старинные. О нежная грусть упоения
В лодке скользящей и смутные зовы дрозда
В сады уносящие детства. Пелена просветляется розовая.

Празднично воды звенят. О тень на лугах напоенная вла-
гой,

Зверь так блаженно ступает; росток зеленеет, ветка цве-
тущая

Хрустальность чела осеняет; лодка качнувшись мерцает.
Над холмом тихо в облаке розовом солнце поет.
Тишь глубинная в ельнике, в водах строгие тени.

Чистота! Всюду одна чистота! Где теперь, смерть,
твои тропы ужасные,

Где безмолвие серое в камне застывшее, где скалы ночи,
Тени где неприкаянные? Лучистое солнце из бездны си-
яет.

THE
SCHOOL
OF
ARTS
AND
SCIENCE

Псалом отрешённого

Gesang des Abgeschiedenen

В птичьем полете необъятна гармония. Чащи зеленые
Под тишайшими кущами сходятся вечером;
Лани раздолье хрустально.
Потаённое в сумраке утишает волнение ручья,
увлажненные тени

И соцветия лета, что волшебю звенят на ветру.
Уже дремлет чело человека

в размышленья ушедшего.

И мерцает лампадка – доброта – в его сердце
И вкушение с миром; ибо хлеб освящен и вино
Дланью Господней, и очами тебя созерцает из ночи
Брат безмолствующий, да упокоится он после скитанья
тернистого.

О приют в духоносной лазури ночной.

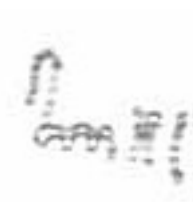
С той же любовью молчанье затворное
тени древних отцов обнимает,
Их пурпурное муки, стенанья могучего рода,

Исходящего ныне смиренно смертью
в единственном внуке.

Ибо ещё лучезарней от черных минут помрачения
пробуждается вновь

Страстотерпец на обратившемся в камень пороге
И безмерно объемлет его прохладная синь
и свет угасающей осени,

Тихий дом и сказания леса,
Предел и закон и лунные тропы ушедших.

Песнь о закатной стране

Abendländisches Lied

О взмах души окрыленной в ночи:

Когда-то мы в путь пастухами пускались к темнеющим чащам

И красная лань и цветок зеленеющий

и лепечущий звонко ручей к нам приникали

Доверчивые. О, напевность сверчковая древности,

На жертвенном камне цветущая кровь

И крик одинокой птицы над зелёным безмолвием заводи.

О, эти походы под сенью креста и огненность пыток

Над плотью, паденье пурпурных плодов

В вечерних садах, где некогда кротко ступали апостолы,

Воители ныне, из ран и от звездно сияющих грёз пробужденные.

О, синецветная нежность, букет васильковый в ночи.

О, эти сезоны покоя и осень за осенью в золоте,

Когда мы монахами мирными сжимали пурпур винограда;

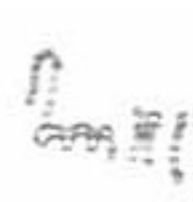
И холм озарялся окрест и чаща сияла лесная.

О, эта травля охотничья и эти замки;

упокоенье вечернее,

Когда человек в затворничестве
в мыслях вынашивал праведное,
Сражаясь молитвой безгласной
за животворящий замысел Божий.

О, горькое время заката,
Когда в почерневших водах мы каменный лик созерцаем.
Но лучезарно поднимаются
посеребренные веки возлюбленных:
Плоть *единая*. Ладан с розовоцветных струится подушек,
И пенопенье воскресших сладостно.

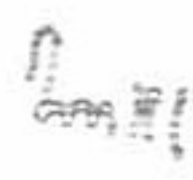
Возрасты жизни

Lebensalter

Духоноснее светятся дикие
Розы в саду у ограды;
О, затишье души!

В прохладе под сенью лозы
Солнце пасется хрустальное;
О, ясность святая!

Старец в ладонях пречистых
Спелый плод преподносит.
О, луч любви!

ГАРМОНИЯ СТРУН СУМАШЕСТВИЯ

又

Себастьян во сне (фрагмент)

Sebastian¹⁰ im Traum

1.

Матерь чадо под белой луной понесла,

Под кущей тенистой орешника, под бузиной первозданной,

Напоённая маковым соком, плачем напевным дрозда;

И безмолвно

Сострадальческий лик бородатый над нею склонялся

Из мрака окна осторожно; и убранство старинное

Предков

В пыли истлевало; любовь и задумчивость осени.

И выдался мрачный день года, печальное детство,

Когда в прохладные воды Отрок вошёл бестревожно,

к серебряным рыбам спустился,

Упокоенье и Лик;

И когда под копыта взбешенных коней вороных

он бросился камнем,

Взошла над ним в поседевшей ночи – звезда;

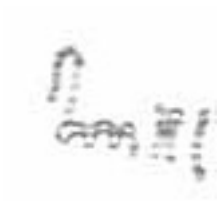
¹⁰ Святой Себастьян – раннехристианский мученик.

А порою под вечер прижимаясь к остылой руке материн-
ской

Ступал он осенним погостом святого Петра,
Труп истонченный во мраке затвора покоился тихо
И охладелые веки Иной на него поднимал.

Но всё же он малой был птахой в ветвях сиротливых,
К ноябрьской вечере был звоном протяжным,
Покоем Отца, когда он спускался во сне по ступеням спи-
рали

по лестнице в сумраке меркнушей.

Гелиан (фрагмент)

*Helian*¹¹

В часы одиночества духа
Чудесно в сиянии солнца идти
Вдоль стен пожелтевших лета.

Звенит тихий шаг, утопая в траве; но все дремлет
Сын Пана в мраморе сером.

На веранде под вечер напильсь мы допьяна бурым вином.
Румянится персик в листве рыжеватый;
Соната нежна, смех полон счастья.

Чудесно в покое ночном.
На темной равнине
Приветствуют нас пастухи и белые звёзды.

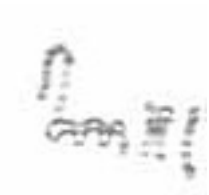
Но осень приходит
И дарует нам роща прозрачность трезвения.
Вдоль краснеющих стен притихшие бродим

¹¹ Гелиан – мистический персонаж в поэзии Тракля; происхождение этого имени неизвестно, возможно, оно ассоциативно связано с именем «бедного Лелиана» Поля Верлена и с именем Фридриха Гельдерлина.

Провожая очами округлыми птиц перелетных.
По вечерам сходят белые воды в погребальные урны.

В обнажившихся ветвях небо ликует.
Благодарные руки крестьянина хлеб и вино преподносят
И мирно плоды созревают по кладовым полным солнца.

О как строго взирают лики нежно лелеемых мертвых.
Но светло на душе под праведным взором.

Отроку Элису

An den Knaben Elis¹²

Элис, когда в черной лощине дрозд запоет,
Где-то рядом погибель твоя.
Причастились прохладой уста твои из ручья голубого
в расщелине скал.

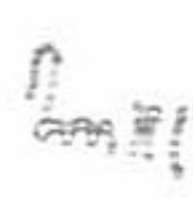
Претерпи, пусть исходит чело твоё
медленной кровью
Писания древнего
Пророчества темного в кружении птицы сокрытого.

Мягким шагом уплываешь ты в ночь,
Что поникла лозой от избытка гроздий пурпурных,
Всё чудеснее плещутся руки твои в синеве.

Звенит купина
Там, где очи твои сияюще лунные.
О, как давно, Элис, ты опочил.

¹² Элис – загадочный мифологизированный юноша, историческим прототипом которого послужил шведский горный рабочий Элис Фрёборн, который жил в 17-ом веке и погиб при обрушении горных пород. Через нескольких десятилетий тело Фрёборна было обнаружено в шахте без признаков разложения.

Тело твоё – Гиацинт.
В него погружает монах персты свои восковые.
Пещера чернеющая – наше безмолвие,
Откуда порой кротко зверь выступает,
И медленно веки смежает тяжёлые.
Роса на виски твои капает черная,
Звёзд угасших прощальное золото.

Элис (фрагмент)

Elis

(3-я редакция)

– 1 –

Чудесен покой этого дня золотого.
В сумраке древней дубравы
Ты являешься, Элис, отдохновенный
с изумленьем в округлых очах.

Синева их сочится истомой влюбленных.
Розовоцветные вздохи
На устах твоих тают.

По вечерам погрузневшие сети тянет рыбац.
Добрый пастырь
Ведет свое стадо к дальней опушке.
О! Как праведны, Элис, все твои дни!

Оливы покой голубой
На голые стены струится незримо,
Старца смутный напев замирает.

Челнок золотой

Качается, Элис, сердце твоё в небе пустынном.

Песнь о Каспаре Хаузере

Kaspar Hauser¹³ Lied

Он всем существом своим солнце любил, что в нимбе пурпурном

за холм опускалось,

Тропинки лесные любил, черной птицы распевы,

Мир зеленеющий радостно.

Он строгий приют в тени древа обрёл,

Лик обрёл ясный.

И пламенем кротким благословил его сердце Господь:

О, Человек!

Однажды под вечер он в город забрел ступая чуть слышно;

На устах его было чаянье смутное:

Всадником стану.

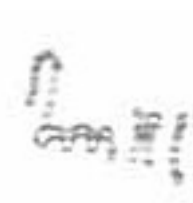
¹³ Каспар Хаузер (1812?-1833) – загадочный юноша, возможно, знатного происхождения, который неожиданно появился в 1828 г. в Нюрнберге и вызвавший в городе переполох. До своего появления его принудительно содержали в изоляции от людей. Он был одет в крестьянскую одежду и мог членораздельно произнести только несколько заученных фраз: «Хочу стать всадником, как мой отец» или «Лошадь! Лошадь!». В декабре 1833 г. неизвестные лица заманили несчастного юношу в парк с обещанием раскрыть тайну его происхождения, где ему нанесли смертельный удар ножом в грудь.

Внимали же звери ему и кусты,
Убелённых людей очаги и в сумерках сад
И по пятам его крался Убийца.

Чудесна весна и лето и осень чудесна
Для Праведника, бестревожно ступая
Он в сумрачных кельях спящих нашёл.
И в ночи со своею звездой одинокий остался;

Увидел он снег пеленающий голые ветви
И в полумраке придела – промельк Убийцы.

В серебряном нимбе глава Нерожденного долу упала.

НАПОЁННОЕ ДУХОМ СВИДАНИЕ

Handwritten text, possibly a signature or name, written in a cursive style.

Handwritten symbol or character, possibly a stylized letter or mark.

К Иоанне

*An Johanna*¹⁴

Часто мне чудится поступь твоя
Звонкая по закоулкам.
В маленьком буром саду
Синева твоей тени.

В предрассветной беседке притихнув
Я за бутылкой вина засиделся.
Капля крови стекая
С твоего упала виска

В напоённый песней бокал
Нескончаем час опечаленный.
Ветер от самых созвездий
Снежно пронзает листья.

Тягостна всякая смерть,
Ночь, человек побледневший.
Губы твои пурпуровые -
Обиталище раны во мне.

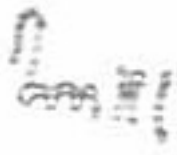
¹⁴ Иоанна – вероятно, одно из имён героини- двойника в лирике Тракля.

Словно сошёл я с зелёных
Хвойных холмов и сказаний
Нашего края родного,
Позабытого нами давно -

Кто мы? Синие плачи
Родника в глуби мшистого леса,
Там где утайно фиалки
Благоухают весной.

Солнечный мир деревенский
В бытность свою охранял
Детство нашего рода,
А теперь его ждёт лишь Закат -

Холм, убелённые внуки
Грезятся ужасы нам
Нашей полуночной крови
Призраки в граде из камня.

Сумерки напоённые духом

Geistliche Dämmerung

(2-я редакция)

На опушке лесной осторожно
Темная лань проступает навстречу;
Чутко ветер вечерний замирает на всхолмье,

Плач дрозда умолкает,
И осенние нежные флейты
Не слышны в камышах.

На облаке чёрном
Ты плывёшь одурманенный маком
По озёрам ночным,

По звёздному небу.
Неумолчно поёт лунный голос сестры
Сквозь ночь напоённую духом.

THE
SCHOOL
OF
ARTS
AND
SCIENCES

Лето

Sommer

Плач кукушки в лесу
Смолкает к вечерне.
Колос клонится ниже,
И алый мак.

Гроза над холмом
Надвигается черная.
Древний напев сверчка
В полях замирает.

Ни единым листком
Не шелохнется каштан.
На спиральной лестнице
Шуршит твоё платье.

Теплится тихо свеча
Во мраке затвора;
Рука серебристая
Её погасила;

Ночь: ни ветра, ни звёзд.

THE
SHEPHERD
SOCIETY
OF
AMERICA

Вечерняя песнь

Abendlied

В час вечерний, когда мы по сумрачным тропам блуждаем,

Нам являются бледные наши обличия.

Если чувствуем жажду,

Мы белую влагу пруда испиваем,

Сладковатость детства печального.

Покойные мы под кустом бузины почиваем,

Чаек седых созерцая.

Вешние тучи над градом поднимаются мрачным,

Что молчанье хранит о монахах времен благородных.

Чуть я коснулся запястий твоих истонченных,

В изумлении ты распахнула глаза свои кроткие,

Как давно это было.

И всё же когда благозвучие тёмное хватает за душу,

Ты являешься сияюще Белая

в осеннем пейзаже возлюбленного.

THE
SCHOOL
OF
ARTS
AND
SCIENCE

«Кротко ночь голубая отверзлась...»

«Die blaue Nacht ist sanft...»

Кротко ночь голубая отверзлась над нашими лбами.
Чутко соприкоснулись наши истлевшие руки
Невеста сладчайшая!

Наши лики бледными стали, лунные жемчуга
Слились воедино в зелёной постели пруда.
Окаменев мы созерцаем наши созвездия.

О тот кто страдал! Виновные бродят в саду
В диких объятиях тени,
Так что древо и зверь в могучем на них обрушились гневом.

Гармония нежная, когда мы в волнах хрустальных
Сквозь тихую ночь проплываем
Розовый ангел из погребенья влюблённых ступает.

Handwritten text, possibly a signature or initials, located in the upper right corner of the page.

THE
SCHOOL
OF
ARTS
AND
SCIENCE

«Так чутко звенят...»

«*So leisen läuten...*»

Так чутко звенят
К повечерью лазурные тени
У стены убеленной.
Тихо осенний склоняется год.

Час тоски бесконечной,
Словно я погиб за тебя.
Снежным ветром со звёзд
Веет сквозь твои волосы.

Тёмные песни во мне
Губы твои воспевают пурпурные,
Нашего детства кущи умолкнувшие,
Позабытые сказы;

Словно кроткая лань обитал я
В хрустальной волне
Родниковой прохлады
А вокруг благоухали фиалки.

Handwritten text, possibly a signature or initials, located in the upper right corner of the page.

ПОМРАЧЕЊЕ И СОН

及

Зимняя ночь

Winternacht

Выпал снег. После полуночи опьяненный пурпурным вином ты покидаешь удел человека, красное пламя его очага. О темнота!

Чёрен мороз. Земля затвердевшая, привкус горечи в воздухе. Сходятся звёзды твои в зловещие знаки.

Окаменелой поступью ты дорожную насыпь вминаешь, с глазами округлыми, словно солдат, что штурмует чёрный окоп. *Avanti!*

Горький снег и луна!

Красный волк, которого ангел душит. Ноги твои шагая трещат словно лёд голубой и улыбка в которой сполна гордыни и горя в камень твой лик обращает и перед сладостной жаждой мороза бледнеет чело;

а порою оно поникает безмолвное над сновидением Стража, который в древесной лачуге своей долу припал.

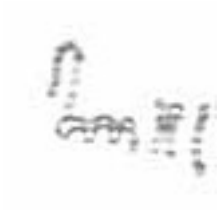
Стужа и дымка. Белое рубище звёздное обжигает твои утомленные плечи и сердце твоё металлическое стервятники Господа рвут.

О этот холм каменистый. Забвенно и тихо плоть охладевшая в снег серебристый растапливается.

Сон исчернённый. Слух подолгу внимает звёздным тро-

пам во льдах.

К пробуждению звон колокольный раздался в деревне. Из восточных ворот в серебре проступил розовеющий день.

Помраченье и сон (фрагмент)

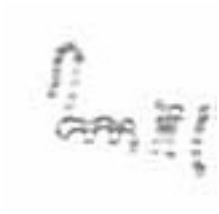
Traum und Umnachtung

В час вечерний превратился в старца отец; в потемневших комнатах лик матери окаменел и тяжесть проклятия обреченного рода пала на Отрока. Временами он вспоминал своё детство, наполненное болезнями, мраком и ужасом, потаенными играми в звёздном саду, а порою и то как в дворе в полумраке он вскармливал крыс. Из голубого зеркала проступал истонченный облик сестры и он замертво падал во тьму. По ночам его рот раскрывался подобно красному плоду и звезды сверкали над его онемелой тоской. Грёзы из снов его населяли старинный дом предков. По вечерам он любил побродить среди запустенья кладбищенского, или в полумраке мертвецкой с интересом рассматривать трупы, зеленые пятна истленья на их чудесных руках. У монастырских ворот он попросил кусок хлеба; тень вороного коня выпрыгнула из темноты и до смерти его перепугала. Когда он слег в прохладе постели, его переполняли несказанные слёзы. Но не на-

шлось никого, кто на чело его возложил бы свою руку. Когда наступала осень, он плыл, Ясновидящий, по бурым лугам. О, часы первобытного восхищения, вечера у зеленой реки, охотничьи зовы. О, душа, что нежно воспела песнь камыша пожелтевшего; огненность кротости. В тишине и подолгу созвездия он созерцал в глазах лягушонка, дрожащими руками нащупывал прохладу древних камней и заклиная нашептывал священные сказы голубого источника. О, серебристые рыбы и плоды, что с ветвей искалеченных пали. Аккорд его собственной поступи отдавался в нём гордостью и недоверием к роду людскому. По дороге домой ему повстречался покинутый замок. Боги низвергнутые стояли в саду, погруженные печально в закат. Но было ему озаренье: здесь я провёл позабытые годы. Органный хорал переполнял его содроганьем Господним. Но он проживал свои дни в потёмках пещеры, лгал и крал и скрывался, огненный волк, перед белым лицом материнским. О, в тот час, когда в звёздном саду он опрокинулся с каменным ртом, тень убийцы восстала над ним. С пурпурным челом он в трясину болота вошел и Божий гнев бичевал его по плечам металлическим; о, эти берёзы под натиском бури, тёмная тварь, что путь его омраченный обошла стороной. Ненависть поедала огнём его сердце, сладострастие, когда в зеленеющем летнем саду обезмолвленное дитя он насиловал, в лучистом сеянье которого он свой лик окутанный мраком узнал. О горе, тем вечером у окна, когда из пурпурных цветов, мощи седеющие, смерть

проступила. О, эти башни и колокола; каменным градом на него тени ночи низвергнулись.

Откровение и закат (фрагмент)

Offenbarung und Untergang

Неизъяснимы ночные пути человека. Когда я шатаюсь лунатиком вдоль каменных келий бродил, и в каждой из них горела лампадка покойная, медный подсвечник, и когда кочenea от холода упал я на ложе, у моего изголовья вновь восставал чёрный призрак Пришелицы и лик свой скрывал я в ладонях медлительных. И расцветал у окна гиацинт синим цветом и древний псалом воздвигался на пурпурных устах Воздыхающего, из под век его слёзы катились хрустальные горечь мира оплакивая. В этот час пребывал я в смертном покое отца моего белым сыном. В голубых содроганьях с холма сквозил ночной ветер, тёмный плач материнский, затихающий неумолимо, и в сердце своём созерцал я чернеющий ад; минута затишья мерцающего. Из под известки стены тихо лик несказанный являлся – умирающий отрок – красота уходящего рода на пути к истокам своим. Белой лунно-стью каменный хлад оведал висок пробужденный, на ступе-

нях разрушенных поступь теней затихала, розовый хоровод среди сада.

Неразговорчивый я засиделся в трактире заброшенном под прокопченными брёвнами и одиноко мне было с вином, труп лучезарный склонённый над очертанием Тёмного и у ног моих мёртвый ягненок возлег. Из меркнувшей сини проступил бледный образ сестры и кровью сочась уста её молвили: Вонзайся терние чёрное. Ах звенят до сих пор мои руки серебряные первобытной грозой. Кровь струись из под стоп моих лунных, расцветая на тропах ночных, по которым крыса с писком снуёт. Под сводом бровей моих вспыхните звезды; и чутко сердце звенит среди ночи. В обитель ворвалась красная тень с мечом полыхающим, обратилась в бегство со снежным челом. О горчайшая смерть.

И тёмный глас изошел из меня: в чащобе ночной я шею сломал своему вороному коню, когда из пурпурных очей его безумие вырвалось; на меня тени вязов обрушились, синий хохот ключа и чёрный холод ночной, когда снежную лань я дикий охотник вспугнул; омертвев лик мой в каменный ад погрузился.

И капля крови мерцающая упала в вино Одинокого; и когда я испил от него, горше мака оно оказалось; и чернеющим облаком заволокло мою голову, проклятых ангелов слёзы хрустальные; и тихая кровь из серебряной раны сестры заструилась и на меня огненный ливень обрушился.

THE
SHEPHERD
SCHOOL
OF
LEADERSHIP

Метаморфозы зла (фрагмент)

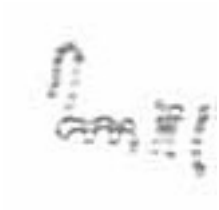
Verwandlung des Bösen

(2-я редакция)

Что тебя побуждает так тихо стоять на провалившейся лестнице, в обители предков твоих? Свинцовая чернота. Что подьмешь рукой серебристой к очам; и опускаются веки, словно хмельные от мака? Но и сквозь стену из камня ты созерцаешь звёздное небо, Млечный путь, Сатурн созерцаешь; красный. Обнаженное дерево в исступлении бьётся о стену из камня. Ты на ступенях разрушенных: дерево, созвездие, камень! Ты, зверь голубой, что затихая трепещет; ты, бледный священник, что его умерщвленного на чёрный алтарь возлагает. О эта улыбка во мраке твоя, печальная и зловещая, от которой Чадо бледнеет во сне. От ладони твоей полыхнуло красным огнём и сгорел в нём ночной мотылек. О светоносная флейта; о смертоносная флейта. Что же тебя побудило так тихо стоять на провалившейся лестнице, в

обители предков твоих? Хрустальным перстом ангел внизу
во врата постучался.

В ЛЕДЯНЫХ ВОЛНАХ ВЕЧНОСТИ

Handwritten text, possibly a signature or name, written in a cursive style.

Handwritten symbol or character, possibly a stylized letter or mark.

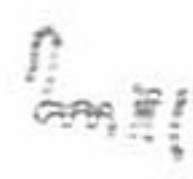
На Востоке

Im Osten

Неистов зимней бури орган
Такова и тёмная ярость народов,
Битвы пурпурный прибой
Звёзд обезлиственных.

Бровью разбитой, рукой в серебре
Ночь привечает солдат умирающих.
Под сенью тенистой осеннего ясеня
Убиенные души вздыхают.

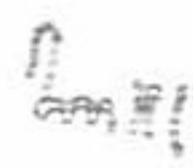
Пустошь терниями град опоясывает.
С окровавленной лестницы месяц гонит
Жён перепуганных.
Во врата дикие волки ворвалась.

Плач

Klage

Сон и смерть, орлы мрака,
Всю ночь ворожили над этой главой,
Чтобы лик золотой человека
В ледяных волнах вечности
Канул. На ужасающих рифах
Захлебнулась пурпурная плоть
И голос смутный стонет
Над водами.
О сестра рвущей душу тоски
Смотри трепещущий тонет челнок
Под звездами,
Перед ликом безмолвной ночи.

Гродек

*Grodek*¹⁵

(2-я редакция)

По вечерам гудят леса среди осени
От убийственных залпов орудий , золотые равнины
И озёра лазурные, над которыми солнце
Мрачно заходит; ночь принимает в объятия
Умиравших воинов, дикие стоны
Разорванных уст.
Но в долине над нивами тихо сгущается
Красная туча, в которой разгневанный Бог обитает,
Наливается пролитой кровью, лунной прохладой.
Все пути приводят к истлению черному.
Под золотою ветвью созвездий и ночи
Колыхается призрак сестры в обезмолвленной роще,
Чтобы приветить души героев, кровоточащие головы;
И темные флейты осенние тихо поют в камышах.
О самая гордая скорбь! о вы алтари из бронзы
Сегодня боль всемогущая воспламеняет факел горящего
духа,
Нерожденные внуки.

¹⁵ См. ссылку №5.

THE
SCHOOL
OF
ARTS
AND
SCIENCES
UNIVERSITY OF
TORONTO